

УДК 882 (470.67) – 3
М-13
Х-17

Мазанаев Шабан Абдулкадырович

доктор филологических наук, профессор,
декан филологического факультета Дагестанского государственного университе-
та

philol@mail.ru

Халимбекова Марьям Сайпутдиновна

кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры редакционно-издательского дела и информации Даге-
станского государственного университета

umaalikhanva@rambler.ru

Русские большевики на страницах дагестанской прозы [4]

Аннотация:

Статья посвящена рассмотрению образов героев произведений дагестанских авторов в свете отношений послереволюционной России и кавказских народов. Научная ценность настоящей работы состоит в рассмотрении конкретных примеров русских большевиков и одновременно в составлении их типологии в дагестанской литературе.

Ключевые слова: русский большевик, горцы, интернационализм, революция, исторический, социальный, народ.

О русском характере написано немало: понятия «русский характер», «русская душа» ассоциируются в нашем сознании с чем-то загадочным, неуловимым, таинственным.

Русские герои в произведениях дагестанской литературы, особенно в исторических романах, занимают особое место. Связано данное явление, конечно, с приоритетным положением России относительно малых народов, которых после революции она взяла «под свое крыло», и с идеологией соцреализма, которая определила пути развития национальных литератур на многие годы вперед.

В дагестанском историческом романе русские выступают как просветители и эталоны нравственности, как, например, революционер Кузьма в романе М. Хуршилова «Сулак – свидетель». Данный герой символизирует модель поведения, которая характерна для России в целом относительно своих «младших братьев», в частности жителей Кавказа: он беспокоится о горцах, болеет за них душой, хотя сам беден и, по сути, бесправен. Его поступки – примеры бескорыстной дружбы и самоотверженности, интернационализма.

Или же Сергей Петрович Ковалев (А. Абу-Бакар «Манана»), сын лесничего, большевик, профессиональный революционер, проведший немало лет за границей и в царских тюрьмах: этого человека, как и подобных ему духовных подвижников, называли в народе «прорицателями». Такая слава не преувеличение: его «слово», как и речи ему подобных, горцами воспринималось как вещее, единственно верное и несущее надежду.

Русские в изображении дагестанских авторов почти идеальны, даже их недостатки – это скорее простительные слабости или же продолжение их достоинств. Так, если некоторые большевики проявляют излишнюю горячность и несдержанность (как в романе М. Хуршилова «Сулак – свидетель»), которые приво-

дят к опрометчивым и даже жестоким шагам, то этому неизменно находится оправдание.

Русские большевики – образцы не только социальных моделей, но и бытовых, житейских. Тем более в экстремальных ситуациях (перед лицом смерти, опасности) они полностью раскрываются. Например, в романе А. Абу-Бакара «Манана» внешне хилый и беспомощный Сергей Петрович, оставивший силу и здоровье на каторгах Сибири, в противоположность богатырю Хамзату стоял под дулами оружий, «будто железное изваяние, выпятив впалую чахоточную грудь. И горцам показалось, что незнакомец прямо на глазах вырастает в великана» [1, с. 158].

Главным объединяющим фактором для русских и горцев, согласно лейтмотиву большинства дагестанских романов, становится их общее социальное бесправие. Неимущие кавказцы терпели те же глумления и издевательства, что и русские бедняки, рабочие и крестьяне. За пределами Дагестана их постоянно унижали, презрительно называя туземцами и варварами, то и дело оскорбляя их национальные чувства, так что в родном государстве они чувствовали себя чужаками и изгоями. Большевики же с их интернационализмом и подчеркнуто уважительным отношением к специфичному национальному менталитету не могли не привлечь горцев.

Примечательно, что для богатого русского сословия русские бедняки – такие же чужаки («туземцы»), как и дагестанцы: «Пристав и надзиратель – они обижают бедный свой и наш народ, взятки берут. Черное горе идет от них. Есть много Иванов, очень много на заводах, нашему бедному народу помогают» [2, с. 63]. Контрреволюция пытается втянуть народы в братоубийственную войну, но у чеченцев, аварцев, кумыков, как и у других бедных людей, есть объединяющая их цель — завоевать себе лучшую жизнь, разделившись с прежними порядками.

Показательным в этом смысле является случай с пушкой в романе М.-С. Яхьяева «Три солнца», ставшей поначалу причиной раздора между русскими и дагестанскими солдатами, а затем и символом их единства. В результате пушка была отдана дагестанцам в подарок, и простояла перед их казармой как постоянное напоминание о вечной братской дружбе русских и дагестанцев, сражавшихся плечом к плечу с контрреволюционерами. Итогом этого недоразумения стало кочевание злосчастной пушки в течение недели от одной казармы к другой в знак взаимного дружеского расположения и, в конце концов, ее уничтожение.

Русским большевикам приходится преодолевать не только классовое сопротивление, но и стойкое предубеждение, очевидно, генетического векового характера, идущее еще от неоднократной царской экспансии против непокорного горского народа. Антибольшевистская пропаганда все еще активно действовала на отдельные части населения: легенда о том, что русские пришли, чтобы вновь закабалить горцев, оказалась весьма живучей.

Недоверие к русским было очень серьезной помехой в пропаганде революционных мыслей и идей. Большевики понимали, что с этим наследием, которое оставил после себя самодержавный строй, предстоит нелегкая борьба: не могли люди сразу поверить, что свобода придет оттуда, откуда раньше они видели лишь произвол, насилие, грабительские поборы и поощрение местных богачей.

Недаром контрреволюция напирала на то, что социалисты якобы вновь желают навязать самодержавные порядки: по их утверждению, не для того бились когда-то Казимагомед и Шамиль – им нужна была свобода, так что нужно всячески избавляться от «русской опеки». Как точно отмечает У. Буйнакский в романе «Три солнца», в многонациональном Дагестане, где издавна классовое и национальное угнетение порождало неприязнь ко всему русскому, не так-то просто было убедить массы, что отныне Россия принесет им не гнет, а свободу.

В итоге У. Буйнакский ставит вопрос очень широко, и сама его постановка в романе достаточно неожиданна: революционер, выражая мнение очень многих, задается вопросом о том, исчезнет или сохранится национальное своеобразие Дагестана при коммунизме. Такая философская риторика значительно углубляет однообразно социальную ткань повествования, а приятие или неприятие русских горцами приравнивается к приятию/неприятию самой революции, идея которой, в понимании дагестанцев, «абсолютно русская».

И. Керимов в романе «Махач» подчеркивает тот факт, что среди дел первоочередной важности для Ленина, Кирова, Орджоникидзе и других видных деятелей революции была забота о скорейшей помощи Дагестану. Советская Россия считала своей прямой и главной целью немедленную помощь революционным силам Северного Кавказа в их борьбе за победу власти большевиков.

Тема революции как явления «иноземного происхождения» поднимает и проблему восприятия всяческих нововведений, ассимиляции как таковой: от русских реформаторов, какими бы благими целями они ни руководствовались, требовался максимальный такт при вторжении в чужую культуру и, конечно, уважение к чужим представлениям о морали.

Примечателен в данном контексте диалог Кирова и Ленина в романе М.-С. Яхьяева «Три солнца» как выражение ключевой оценки национального горского характера. Именно его тонкое понимание – обязательное требование при проведении революционных преобразований в «местном ландшафте»:

«– Чудесный народ эти кавказцы! Бесстрашие просто поразительное. И какое-то особое чувство собственного достоинства. Высоко голову держат! Что это? Врожденное? Или их так сызмала воспитывают? Ты ведь жил на Кавказе. Как думаешь?»

– Горы. Суровые условия жизни. На вершинах вечный снег. В долинах зной. Непрístupные скалы. Узкие крутые тропы. На каждом шагу подстерегает опасность. Сами условия существования вынуждают их быть бесстрашными. А иначе в горах не проживешь, — ответил Киров.

— Очевидно, ты прав. Знаешь, о чем я подумал? Таких людей, как Буйнакский, мы должны особенно беречь. И выдвигать. Их пока, к сожалению, не так уж много. Но один настоящий большевик из горцев там, в Дагестане, для нас стократ необходимее, чем десятки русских товарищей, которых мы туда посылаем. Очень важно ведь знать душу народа, тончайшие изгибы национального характера...» [3, с. 281].

Таким образом, Россия для горцев становится источником всесторонней помощи в противоположность другим соседям, которые ведут агрессивную политику по отношению к малым народам. Советская Россия в лице большевиков выказывает беззаветную отеческую заботу и опеку, помня о том, что горцы ждут скорой и решительной поддержки в период смертельной опасности для своей молодой республики.

Ссылки и примечания:

1. Абу-Бакар А. Манана. М. : Современник. 1987. 330 с.
2. Хуршилов М. Сулак-свидетель. Махачкала : Дагестанское книжное издательство. 1990. 365 с.
3. Яхьяев М. С. Три солнца : Повесть об Уллубии Буйнакском. Махачкала : Дагестанское книжное издательство. 1985. 298с.
4. Статья выполнена и опубликована в рамках проекта «Филологические проблемы современного дагестановедения: исследования языков, фольклора и литератур народов Дагестана», №НК-73 П.